

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

БАЛЕТ

Па от Петипа

Открытие конкурса «Арабеск» обозначило проблемы и вызовы, стоящие перед искусством хореографии в XXI веке

Юлия Баталина

Самое международное из культурных событий Перми — Открытый российский конкурс артистов балета «Арабеск» им. Екатерины Максимовой — нынче особо торжественно обставлено: ведь конкурс юбилейный — ему исполнилось 30 лет, а кроме того, посвящён 200-летию Мариуса Петипа, а также 190-летию Льва Толстого. Именно эти даты разделили на два отделения гала-концерт открытия: первая половина стала торжеством классической хореографии, вторая — современной, но с оглядкой на русскую литературную классику.

Как и было обещано, для исполнения классических фрагментов из балетов Петипа собрали лауреатов «Арабеска» 2012 и 2014 годов. Среди исполнителей были персоны очень медийные, чуть ли не легендарные: три из четырёх пар-участников, а также один солист снимались во втором сезоне популярного телешоу «Большой балет», и две пары даже стали его победителями. Красноречивая иллюстрация уровня пермского «Арабеска»: с него — сразу на федеральное телевидение.

Этот дивертисмент стал мастерской классического танца и подготовкой зрителей к конкурсным просмотрам «Арабеска»: исполнялись па-де-де из «Лебединого озера», «Спящей красавицы», «Баядерки» и «Эсмеральды», вариации бога ветра Вайю из «Талисмана» и Базиля из «Дон Кихота» — всё то, что так любят танцевать на конкурсе. Жюри и зрителям-балетоманам предстоит в ближайшие дни увидеть ещё не одного бога ветра, не одну Никию, не говоря уже об Одиллиях, Зигфридах, Аврорах и Дезире. Ах, если бы все конкурсные показы были такого же качества, как внеконкурсные! Жюри было бы в тупике...

Впрочем, и среди лучших были лучшие. Зрители убедились, что ведущая пара пермской балетной труппы Инна Билаш и Никита Четвериков, лауреаты первой премии «Арабеска-2014», не утратила своего «козырного» качества, за которое её хвалили и на профессиональном, и на телевизионном конкурсах: Билаш и Четвериков — не просто пара, но ансамбль, что в переводе с французского означает «вместе». У них всё вместе — и движения, и эмоции. По уровню «станцованности» и взаимопонимания это, возможно, лучшая пара всех «Арабесков».

Что же касается отдельных танцующих личностей, то здесь вне конкуренции прекрасный Кимин Ким. Не зря он — один из всего-то трёх танцовщиков, которые на протяжении всей 30-летней истории пермского балетного конкурса получили Гран-при. Ким — это мужской вариант Галатеи: он словно ожившая бронзовая статуя, античный герой. Конечно, он знаменит своими невероятными мощными прыжками, но его сила не только и не столько в техни-

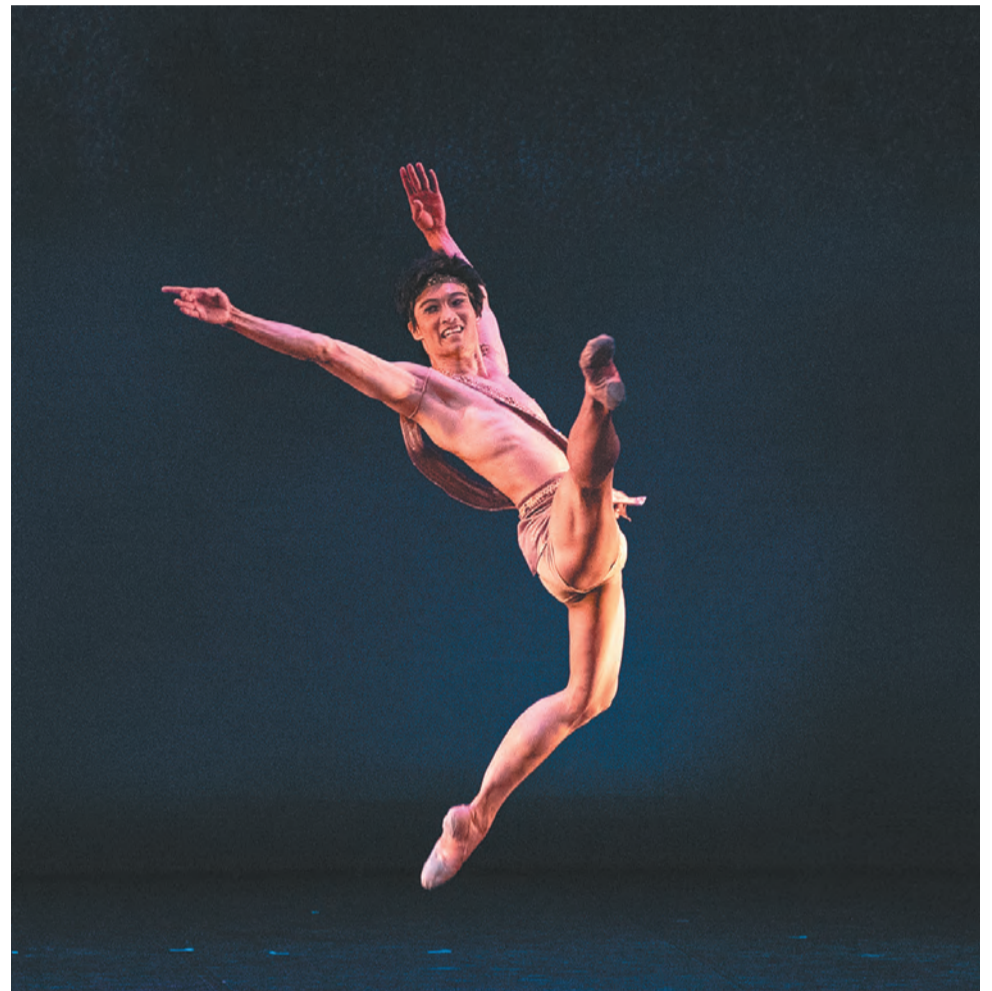
ке, сколько в создании цельного, яркого, содержательного образа, в котором так блестяще сочетаются физическая форма, профессионализм и... душа, говорящая на языке танца.

Балетоманы — публика очень эмоциональная. Зал кричал и стонал. Но для непривычного зрителя классический дивертисмент наверняка показался бы скучноватым: большой танец часов из оперы Амилькаре Понкьелли «Джоконда», который исполнили студенты хореографического училища, затем четыре длинных классических па, разбавленных двумя вариациями... Тут надо очень любить балет, чтобы не заскучать.

Но по сравнению со вторым отделением первое было просто праздником! Шесть миниатюр современных хореографов, созданных по мотивам произведений Льва Толстого в рамках «Мастерской» художественного руководителя конкурса народного артиста СССР и России Владимира Васильева, не столько стали торжеством современной хореографии, сколько обозначили её проблемы.

Васильев объяснил перед началом показа миниатюр, что путём создания литературных балетов борется с бессодержательностью современной хореографии. Однако, как показал спектакль, молодые хореографы сложно воспринимают сюжетность. Они попросту путают сюжет (развитие идеи) с фабулой (развитием событий) и, работая с литературным материалом, немедленно ударяются в пересказ событий, пантомиму; артисты пытаются «хлопотать лицом»... Всё это как-то не располагает к красивой авторской хореографии, к настоящему «рисунку танцем», да и для произведений Толстого это не лучший вариант сценического воплощения: глубина писательской философии неизбежно теряется.

Между тем в проекте собрались хореографы, которые не только дипломами «Арабеска», но и многими другими достижениями доказали, что по-настоящему талантливы. Достаточно вспомнить недавний вечер современной хореографии в Пермском театре оперы и балета: работы Павла Глухова и Константина Кейхеля, представленные в той подборке, принципиально сильнее, чем то, что они показали на «Мастерской». Судя по результатам это-

Кимин Ким — лауреат «Арабеска-2014»

го проекта, литература вовсе не является панацеей от всех бед современной хореографии. Скорее наоборот.

Впрочем, во всех миниатюрах можно найти достоинства. Хореографы доказали, что отлично разбираются в музыке и умеют с ней работать. Прошли те времена, когда современная хореография означала непременно солянку из «мелодий и ритмов зарубежной эстрады»; вся использованная в миниатюрах «Мастерской» музыка — что называется, настоящая. Так, «После бала» хореографа театра «Балет Евгения Панфилова» Алексея Расторгуева поставлена на музыку Шестой симфонии Чайковского так, как будто это не симфония, а специально написанная для балета партитура. Её вальсовые ритмы идеально подошли для танца загадочных андрогинов, людей-пар: правая половина — мужчина во фраке, левая — женщина в балетном платье.

Миниатюра Расторгуева, откровенно драматическая, может быть, доказывает, что если уж работать с литературой, то буквально: в ней есть и настоящая танцевальность, и история, и эффектные персонажи.

Юлия Манжелес в роли Вари в очередной раз вызвала восторг публики и техникой, и фактурой. Вообще, если говорить о находках «Мастерской», то это в первую очередь «Балет Евгения Панфилова». Именно его артисты исполнили все миниатюры, и публика словно заново открыла этот театр. Обсуждая

событие в кулуарах, балетный критик Лариса Барыкина, член жюри прессы фестиваля, говорила о том, что «панфиловцы» показали и точность исполнения, и артистизм, и огромное чувство ответственности. Весь вечер самоотверженно оттанцевала ведущая солистка театра Елизавета Чернова — её, а ещё Павла Васькина старались привлечь к работе все хореографы.

И всё же к концу показа зал опустел на треть. Тёмная сцена, серо-бело-чёрные наряды, визгливые фонограммы — зрелище было довольно утомительным. Лишь изобретательный Павел Глухов попытался создать на сцене нечто яркое в своей миниатюре «Молох» по мотивам «Севастопольских рассказов». Оригинальная игра света и дыма создала и картину рассвета, и глубину горизонта, и ощущение большого движения. Жаль, что хореография была не столь изобретательна, а действие — ну, совсем не трогало, хотя речь шла о войне, о гибели...

Множество изобразительных средств современного театра привлёк в своих «Записках сумасшедшего» на музыку Леоша Яначека Александр Могилёв. Тут и абстрактное видео, и театр теней. Но и эта миниатюра не стала прорывом и доказательством целебной силы классической литературы. В общем, если Владимир Васильев стремился создать своей «Мастерской» почву для размышлений, он преуспел. Жаль, что размышления невесёлые.

ФОТО НИКИТА ЧУНТОМОВ